

Д. Б. ТЕРЕШКИНА

*(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Великий Новгород,
г. Великий Новгород, Россия)*

УДК 821.161.1-32(Платонов А.)

СЕМЬЯ КАК МАРКЕР МИНЕЙНОГО КОДА В РАССКАЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Аннотация. В статье предлагается анализ одного из наиболее известных рассказов Андрея Платонова – «Возвращение» – с точки зрения отражения в нем так называемого «минейного кода», то есть смыслового интертекста «Четых-Миней», в его важнейшем маркере – изображении семьи как модели собора с принципом *communio sanctorum* (общение святых). Учет этого уровня смысла текста позволяет представить главного героя рассказа не субъектом (как принято думать), а объектом возвращения. Семья Иванова (как известно, таким было название первоначального варианта рассказа) становится силой, возвращающей главного героя в сферу праведной жизни, духовного и душевного воскресения после потрясений военных лет. Смысловым и деятельным центром рассказа становится сын героя Петр, на годы войны заменивший отца и невольно ставший для него примером для подражания. Смысл житийного контекста образа Петра Алексеева тем более ярок, чем менее явлен он в произведении. При отсутствии очевидных отсылок к житию апостола Петра, в свете особой значимости роли Петра в возвращении отца становится очевидной реализация мальчиком апостольской миссии «ловца человеков» (Мф. 4:19), возвращения заблудших душ к праведной жизни. Многовершинность композиции рассказа поддерживается значимым в минейном смысле именем текста.

Ключевые слова: минейный код; семья; именник; житийный контекст; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

О рассказе Андрея Платонова «Возвращение» написано достаточно много. Исследованы история и текстология произведения [Хрящева 2010, Михеев 2015], мотивы, в том числе постоянные в творчестве писателя, означены идеи и смыслы, читающиеся в произведении [Ливингстоун 2000, Спиридонова 2016, Хрящева 2010, Снегирева, Подчиненов 2011 и др.]. Поиск смысла рассказа, с одной стороны, простого по сюжету, с другой – неоднозначного в его идее, осложнен историей текста (проклятием критики, реабилитацией автора и его произведения [Платонов 1994; Еголин 1944; Ермилов 1994; Письменный 1946]) и продолжающейся полемикой вокруг театральных решений в постановке рассказа [Коммерсантъ 2005]. Это еще раз говорит о

возможности разных подходов к произведению и продолжающейся активной жизни текста в читательской среде.

Мы предлагаем еще одну трактовку рассказа – ту, что выросла из наших изысканий в области «минейного кода» русской литературы [Терешкина 2015]. Наша идея о влиянии «Четых-Миней» (годового корпуса житий святых и похвальных слов) на русскую словесность состоит в том, что, в отличие от агиографической традиции, в которой исключительный герой является образцом праведной жизни, минейный код считается как система знаков и отсылок к корпусу житийных текстов, в котором идея равновеликости святых при уникальности их судеб предполагает многовершинность композиции в изображении многих персонажей, каждый из которых дополняет друг друга в общем движении к духовному совершенству. В системе «маркеров минейного кода» (наряду с именем героя, системой значимых дат, деяний героя, его внешнего облика, биографической житийной схемы его пути и смерти и др.) семья имеет особое значение. Принцип *communio sanctorum* (общение святых) в семье как модели собора становится ведущим. Член семьи обусловлен родом и направляем им, его путь корректируется каждым другим членом семьи. Эта мысль читается во многих произведениях русской литературы (наиболее отчетливо выраженной она оказалась в «мысли семейной» у Л. Н. Толстого), а у Платонова настойчиво звучит почти в каждом произведении [Васильев 1989: 431; Подшивалова 2014].

Название рассказа, как известно, имеет свою отдельную историю. В первоначальном варианте рассказа оно звучало как «Семья Иванова». Лишь в измененном и переработанном, под натиском критики, варианте рассказа появилось известное нам в окончательном виде «Возвращение», которое трактуют прежде всего с точки зрения волевого акта главного героя рассказа – Алексея Иванова [Ливингстоун 2000; Снегирева, Подчиненов 2011; Хрящева 2010 и др.]; в одном исследовании выражена точка зрения о возвращении героя как художественно-идеологическом авторском приеме («Вместе с тем А. Платонов не мог в ситуации общенациональной травмы войны не вернуть отца домой» [Снегирева, Подчиненов 2011]), что противоречит, на наш взгляд, и принципам анализа текста, и главной идее произведения. Кажется очевидным, что и первый вариант названия, и лексическое значение слова «возвращение» сводятся к тому, что в рассказе семья Иванова (а не собственно главный герой) имеет ключевое значение. «Возвращение» применительно к рассказу А. Платонова мы склонны трактовать по тому значению этого слова, что дается в толковом словаре: существительное «возвращение» возводится к глаголу «возвращать»

(‘вернуть’) [Ожегов, Шведова 2002: 91] (в отличие от второго значения, от возвратной формы «возвращаться – возвратиться»), от которого дериватом существительное «возвращение» не указано [Там же]). Иванов возвращается не сам, а с помощью тех, кого он готов был оставить и кто оказался ему незаменимыми в его душевной и духовной целостности. Семья Иванова, и прежде всего его дети, стали той силой, которая перетянула его в сторону трудного, но праведного выбора. Пассивная роль Иванова, изначально заданная в рассказе (он возвращается в часть, задерживается на три дня у Маши под влиянием сиюминутного чувства, пасует перед домашними, отвыкнув от них и дома), не оставляет сомнения в той роли, которую автор отводит семье как миростроительного начала и детям как правде жизни – мысли, актуальной для всего творчества А. Платонова.

Имена в повести уже становились объектом исследовательского внимания [Хрящева 2010: 59]. Укажем лишь на значимость *системы* имен текста, которая является одним из первостепенных маркеров мифнейного кода.

Алексей – главный герой рассказа – носит имя (означающее «защитник») одного из наиболее почитаемых на Руси святых, Алексея человека Божия. Подобно святому, пришедшему в свой дом спустя много лет после странствий на чужбине и умершему среди слуг своего дома, оставшемуся не узнанным родными [Жития святых 2009: 178-180], герой рассказа А. Платонова также ощущает себя «чужим» в своем родном доме, отвыкнув от него и выросших детей, много вынесшей и немало отстранившейся от него за долгие годы жены. Усиленное таким же отчеством, имя Алексея Алексеевича Иванова, впрочем, оказалось в какой-то момент не соответствующим в его случае своему этимологическому значению: защитником своего дома и домочадцев вернувшийся солдат не почувствовал, а после обнаружения деталей жизни своих родных в его отсутствие и вовсе решил оставить дом, еще раз уйти из него – без права возвращения. Этим он словно также отрицал житийное значение своего имени: уходил от родных, его любивших. Лишь духовный переворот от отрицания себя к любви и приятию ближних восстановил утраченную было истинную предназначенность героя.

Жена героя, Любовь Васильевна, является словно иллюстрацией своего имени. Она – образ истинной, безусловной и абсолютной любви. При этом мать семейства отнюдь не является идеальным образом («Ишь ты, а мать наша тоже бедовая» [Платонов 1987: 382], – удивляется сын, не ведавший о тайне матери, раз поддавшейся соблазну), но, принявшая в доме мужчину, потерявшего всю свою семью, искренне и любяще ждущая мужа, отдававшая все детям, чтобы они выжили, не

боящаяся суда мужа и откровенная с ним во всем (при скрываемом мужем собственном грехе), Любовь Васильевна цельна и прекрасна.

Семен Евсеич, находивший утешение в семье Ивановых в отсутствие хозяина дома, подозревавшего в нем срамные намерения, «оправдывает» свое имя (Семен – «услышанный Богом», давшим ему утешение в скорбный час, Евсей – «благочестивый»): он ходит в дом Иванова заглушать свою печаль, заодно присматривая за детишками, оставляемыми работающей с утра до ночи матерью, и прикармливая их. Семен Евсеич словно стал олицетворением истинной христианской любви, от которой Алексей Иванов оказался далек.

Анастасия («воскресшая») (Настенька, Настыка, как зовет ее, строгая, старший брат) – дочь Иванова. Маленькая, но уже рассудительная и самостоятельная, покорно и охотно слушающаяся своего брата, девочка, как огонек, милее всех Иванову, отчужденно относящемуся к жене и сыну, занявшему на время его хозяйское место. Настенька словно воскрешает в Иванове его былые нежные чувства, его кровную и любовную связь с домом и семьей. «В детях, как и в “сокровенных” платоновских взрослых, выказывается главная надежда и опора спасения – сердце – орган и орган, той чистой, пронзительной способности жалости и высшей любви, которая стонет в человеке за несовершенство, гибель, зло, за ближнего, за тварь и без которой невозможно никакое спасение и восхождение в этом мире» [Семенова 1995: 36].

Ключевой фигурой рассказа становится сын Алексея Иванова, Петр. Он, еще Петыка, нескладный худой подросток, волею судеб ставший опытным, расчетливым и ворчливым, как старичок, оказывается самым зрелым и самым дельным из членов семьи. Имя Петр («скала») – не просто наиболее частотное в русском именнике, оно еще и наиболее насыщено архетипическими коннотациями, прежде всего евангельского происхождения. Петр для русскоязычного читателя – любимый ученик Христа, апостол, с кем связаны наиболее драматичные моменты земного пути Спасителя. Живой и вспыльчивый, Петр вызвался идти к Христу по воде и укрепился в вере с помощью Господа; именно он, вместе с Иаковом и Иоанном, стал свидетелем Преображения Господня на горе Фавор; он в порыве гнева отсек мечом ухо рабу первосвященника в Гефсиманском саду; он, по человеческой слабости своей, отрекается от Христа в ночь перед арестом Спасителя, и потом проходит через искреннее раскаяние и искупление греха. Именно Петра представляет народное сознание как привратника Рая, по слову Христову: «дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:19).

Весь этот культурный подтекст присутствует в рассказе потаенно, лишь мерцая читателю евангельским светом там, где схождения наиболее очевидны. «Мы не знаем, был ли писатель верующим, христианином в догматическом смысле этого слова. <...> Но при этом сама его душевная структура, запечатленная в творчестве, оказывается поразительно близкой к тому, что называется христианским сердцем, христианской юрдовостью и даже святостью» [Семенова 1995: 19].

Петька хранит порядок в доме. Это выстраданное лишениями умение вызывает у вернувшегося Иванова досаду («вон Петрушка что за человек вырос – рассуждает, как дед, а читать небось забыл» [Платонов 1987: 379]), а у Петьки, слышавшего эти слова, – законное возмущение («пускай я дед, тебе хорошо было на готовых харчах» [Там же]). В ситуации ссоры родителей Петька вначале оказывается тайным слушателем, а затем, когда чувства ревности и обиды отца на мать достигли предела, Петька вступает в спор искренним и горячим защитником матери. Его речь, сначала путаная и по-детски сбивчивая, перерастает в проповедь, ибо это не просто рассказ о дяде Харитоне, так к месту и пророчески верно приведенный мальчиком, а квинтэссенция человеческой мудрости, в которой есть место юмору и прозе жизни, прощению и приятию. Эта история так поразила Иванова и так подошла к его случаю, что воспринялась им почти как чудо, а Петька предстал как провидец тайного, поскольку, в отличие от дяди Харитона, придумавшего свои измены ради прощения жены (и имя героя (Харитон – ‘благосклонность’) также не случайно в именнике рассказа), собственный грех у него самого был – и испугался вернувшийся солдат, что выведет его сын на чистую воду. Именно Петр говорит в этот момент самые важные для семьи слова: «У нас дело есть, жить надо, а вы ругаетесь, как глупые какие» [Платонов 1987: 384]. И только здесь суровый Петька плачет – от тяжести жизни во всей ее сложности человеческих взаимоотношений (когда другие сложности голодного и страшного военного времени, казалось, были преодолены), от бессилия и горячего желания восстановить справедливость.

Петр становится не только деятельным, но и идейным центром рассказа. Блудным сыном стал отец семейства – и, подобно евангельской притче, любовью восстановлен был в своем изначальном статусе. Алексей Иванов был возвращен Петром, опять в нужный момент взявшим в свои отроческие деятельные руки жизнь семьи. Матери не было дома в момент ухода отца – так же, как не было ее тогда, когда произошло, словно само собой, взросление и возмужание ее сына. Она, доверяясь, согласно своей натуре, естественному ходу вещей, ушла на работу. Петька еще спал, когда отец, как тать в ночи, поцеловав

Настеньку, ушел из дома, решив уехать к той Маше, которой посвятил несколько дней, отсрочив возвращение домой. Дети не успели застать отца на вокзале: он уже уехал в подошедшем поезде. Но Петькино упорство продолжало действовать даже тогда, когда надежда на чудо должна была угаснуть. Именно этот полный сил и веры бег Петра за отцом являет истинную сыновнюю любовь мальчика. Возвращая отца домой, Петька не просто старается делать так, как «следует». Он «восстанавливает порядок» в доме, и это уже порядок высшего свойства – на уровне судеб членов семьи и семьи как целого. «А. Платонов стремился материализовать в художественных образах саму метафизику духовного обмена между поколениями и генетическое движение истории; и то, и другое входило в его понимание народа как постоянно самосохраняющейся и саморазвивающейся целостности, охваченной кровным родством и общностью идеалов через матерей, отцов, дедов, детей, внуков, правнуков...» [Васильев 1989: 431]

Сложность жизни и ее восприятия разными героями рассказа усиливается отсутствием определенно выраженной авторской позиции. «Платоновское повествование строится на искусно созданной иллюзии отсутствия автора, формально пред нами безличное повествование» [Хрящева 2010: 58]. В том числе эта особенность текста породила не совсем адекватную интерпретацию читателями образа Петьки, сына солдата. Одни не придают Петруше того значения, которое заложено самим сюжетом, первоначальным названием рассказа, кратким замечанием автора, передающего мысли Алексея Иванова («Петрушка нуждался в любви и заботе сильнее других, потому что на него жалко сейчас смотреть» [Платонов 1987: 374]). Другие видят в Петруше «заместителя отца» и даже его соперника: «Главным “соперником” Иванова <...> стал его сын – Петруша, Петр Алексеевич, который четыре года исполнял обязанности отца <...> Это замещение сколь сильно, столь и противоестественно, поскольку переворачивает всю традиционную иерархию семьи, буквально “выталкивая” отца из дома» [Снегирева, Подчиненов 2011]. Это утверждение не представляется верным. Петруша лишь по временной нужде нечеловеческого военного времени замещает отца, чтобы дать семье возможность жить хоть отчасти «по-человечески», и по приезде отца лишь являет ему пример мужчины-домостроителя – роли, от которой отвык Алексей Иванов. Н. П. Хрящева справедливо пишет: «если отец спасает страну, то Петруша спасает семью», причем «ценой потерянного детства» [Хрящева 2010: 58]. Вся семья радуется возвращению отца, только эта радость не театрального свойства, а выстраданная, целомудренно-сдержанная, по-народному простая. Сложность чувств при встрече родных усугубля-

ется драматизмом ситуации, раскрывающимся в процессе повествования (признание матери, «отповедь» Петруши), полную меру которого знает лишь читатель (путь Алексея Иванова домой, о котором он предпочел умолчать), но определенного отношения ни к кому из персонажей рассказа (исключая, пожалуй, только Настеньку) автор ни обнаруживает, ни «подсказывает». «Читая А. Платонова, замечаешь, что он – в отличие от других писателей – никого не оправдывает, не защищает и не принимает ничьей стороны. Он охватывает весь воссоздаваемый им противоречивый мир прежде всего своим пониманием, и в этом всепроникающем понимании заключается универсальная и мудрая человечность художника» [Васильев 1989: 432 – 433]. Хрупкий мир воссоединившейся было семьи, словно на постоянно качающихся весах, рискует либо восстановиться, либо закончиться разрушением семейного очага, душевным пепелищем после отъезда приехавшего и уехавшего обиженным отца. И когда Алексей сходит с поезда, увидев запоздало опомнившихся детей, бегущих за ним, не только в пространстве рассказа, но и во всем мировоззренческом космосе для читателя (и автора) происходит потрясение высшего свойства – катарсиса и Божественной радости, когда любовь побеждает главного врага – человеческие гордыню и самолюбие.

Н. П. Хрящева пишет: «...борьбу за сердце капитана Иванова ведут не столько две женщины – Маша – дочь пространщика и Любовь Иванова, сколько два пространства: теплое замкнутое пространство дома и тревожное, открытое пространство дороги» [Хрящева 2010: 59], и далее: «Герой рассказа “Возвращение” утверждается в ценностном абсолюте дома» [Там же]. Понимая, что в понятие «дом» исследователь включает семью Иванова, не можем все же согласиться с подобным утверждением. Дом в том состоянии, каким его застал после возвращения с войны Алексей Иванов, отнюдь не был «теплым» – во всех отношениях. Оставшаяся где-то в другом городе Маша и новые, без обязательств, впечатления жизни были для Иванова, надо полагать, гораздо более желанными на тот момент. Возвращение домой было для него трудным выбором, тяжелым решением, которое еще не предполагало счастливого исхода, – напротив, предвещало долгое время душевной борьбы и работы над собой, чтобы мир в семье окончательно восстановился. И возвращается Иванов не *домой*, а к *семье* – хотя, казалось бы, в обыденном сознании эти понятия почти синонимичны. Важными для героя оказываются не стены и не запах родного дома, которого не было нигде в мире, а дорогие и родные ему люди, с которыми (и это с «обнажившимся сердцем» понял солдат) только и возможно душевное и духовное спасение, как бы тяжело и «неуютно» оно

ни было. И этому духовному воскресению героя главной причиной стали его дети – самые маленькие, беспомощные в своем отчаянном порыве, но самые мудрые члены семьи Иванова. «Любовь признается единственной плодотворной связью человека со всем сущим, причем любовь не к дальнему человеку будущего, но любовно-родственная связь с ближним» [Спиридонова 1994: 360].

Этот бег детей за поездом стал не только фактическим спасением семьи от ее распада, но и ментальным восстановлением гармонии в расположении сил в доме. Иванов в этот раз возвращался к детям в обретенном им отцовском статусе («Иванов <...> сошел с поезда на ту песчаную дорожку, по которой бежали ему вослед его дети» [Платонов 1987: 388]) – как мужчина, принявший решение и ответственный за него, как сильный по отношению к слабым и нуждающимся в защите. Он восстанавливал свою предначертанную жизнью миссию, он “реабилитировал” свое имя и ушел от “подручных радостей”» [Хрящева 2010: 59] к семье, «малому раю», где родные ему люди помогут ему обрести цельность и гармонию с миром.

Но «ключи» от этого «рая» ему вручил Петр – сын, любивший отца и явивший эту любовь, подобно своему тезке-апостолу, в полной и деятельной мере. И вся семья Иванова, ставшая источником высшей любви и подвигшая героя к истинному – духовному – возвращению.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В. Платонов – наш современник / Платонов А. Живя главной жизнью: Повести. Рассказы. Пьесы. Сказки. Автобиографическое. М. : Правда, 1989. С. 432-433.

Возвращение. МХТ им. Чехова. Пресса о спектакле // Коммерсантъ. 2005. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.smotr.ru/2004/2004_mht_vozvr.htm (дата обращения: 30.10.2018).

Еголин А. За высокую идейность советской литературы. Большевик. 1944. № 10-11. С. 41-47.

Ермилов А. Клеветнический рассказ Платонова // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М. : Наследие, 1994. С. 467-475.

Жития святых / Преосв. Филарет; худ. Ф. Г. Солнцев. М. : Эксмо, 2009. 928 с.

Ливингстоун А. Мотив возвращения в рассказе А. Платонова «Возвращение» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 2. СПб. : Наука, 2000. С. 108-117.

Михеев М. Ю. От «Семьи Иванова» к «Возвращению» А. П. Платонова. Вопросы текстологии // Филологические науки. 2015. № 2. С. 58-73.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М. : Азбуковник, 2002. 944 с.

Письменный А. Возвращение. Рассказ // Новый мир. 1946. № 10-11. С.109-115.

Платонов А. Возвращение / Антология русского советского рассказа (40-е годы). М. : Современник, 1987. С. 366-388.

Платонов А. Краткое изложение темы киносценария с условным названием «Семья Иванова» / Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к библиографии. М. : Наследие, 1994. С. 455-457.

Подшивалова Е. А. Рассказ А. Платонова «Третий сын»: осмысление смерти как обретение здесь-бытия // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 37-42.

Семенова С. Г. [Вступ. ст.] / Платонов А. П. Взыскание погибших: Повести Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М. А. Платоновой; Вступ. ст. С. Г. Семеновой; Биохроника, коммент. Н. В. Корниенко. М. : Школа-пресс, 1995.

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. Сюжет «возвращения» в идеологическом пространстве русской литературы советской эпохи // Вестник ТГГПУ. 2011. №2 (24). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-vozvrasheniya-v-deologicheskom-prostranstve-russkoy-literatury-sovetskoj-epohi> (дата обращения: 28.10.2018).

Спиридонова И. А. Возвращаясь к «Возвращению» А. П. Платонова : историко-литературный контекст первой публикации («Семья Иванова», 1946) // Заочная интерактивная конференция «Литературные события и феномены XX века: год 2016» 4–7 июля 2016 г. [Электронный ресурс] <http://www.piter1.info/vozvrashhayas-k-vozvrashheniyu-a-p-platonova-istoriko-literaturnyyu-kontekst-pervoy-publikatsii-semya-ivanova-1946/>. (дата обращения: 29.10.2018).

Спиридонова И. А. Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910–1920-х годов // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 348-360.

Терешкина Д. Б. «Четгы-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015. 332 с.

Хрящева Н. П. «Этот запах был таким же» (ситуация возвращения с войны в рассказах 1940 – 80-х годов) // Филологический класс. 2010. № 23. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etot-zapah-byt-takim-zhe-situatsiya->

vozvrashcheniya-s-voyny-v-rasskazah-1940-80-h-godov (дата обращения: 28.10.2018).

REFERENCES

Vasil'ev V. Platonov – nash sovremennik / Platonov A. Zhivya glavnoy zhizn'yu: Povesti. Rasskazy. P'esy. Skazki. Avtobiograficheskoe. M. : Pravda, 1989. S. 432-433.

Vozvrashchenie. MKhT im. Chekhova. Pressa o spektakle // Kommerstant". 2005. № 1. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: http://www.smotr.ru/2004/2004_mht_vozvr.htm (дата обращения: 30.10.2018).

Egolin A. Za vysokuyu ideynost' sovetskoy literatury. Bol'she-vik. 1944. № 10-11. S. 41-47.

Ermilov A. Klevetnicheskyy rasskaz Platonova // Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii. M. : Na-sledie, 1994. S. 467-475.

Zhitiya svyatykh / Preosv. Filaret; khud. F. G. Solntsev. M. : Eksmo, 2009. 928 s.

Livingstoun A. Motiv vozvrashcheniya v rasskaze A. Platonova «Vozvrashchenie» // Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Kn. 2. SPb. : Nauka, 2000. S. 108-117.

Mikheev M. Yu. Ot «Sem'i Ivanova» k «Vozvrashcheniyu» A. P. Platonova. Voprosy tekstologii // Filologicheskie nauki. 2015. № 2. S. 58-73.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. M. : Azbukovnik, 2002. 944 s.

Pis'mennyy A. Vozvrashchenie. Rasskaz // Novyy mir. 1946. № 10-11. C. 109-115.

Platonov A. Vozvrashchenie / Antologiya russkogo sovetskogo rasskaza (40-e gody). M. : Sovremennik, 1987. S. 366-388.

Platonov A. Kratkoe izlozhenie temy kinostsenariya s uslovnym nazvaniem «Sem'ya Ivanova» / Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k bibliografii. M. : Nasledie, 1994. S. 455-457.

Podshivalova E. A. Rasskaz A. Platonova «Tretiy syn»: osmyslenie smerti kak obretenie zdes'-bytiya // Filologicheskyy klass. 2014. № 1 (35). S. 37-42.

Semenova S. G. [Vstup. st.] / Platonov A. P. Vyzyskanie pogibshikh: Povesti Rasskazy. P'esa. Stat'i / Sost. M. A. Platonovoy; Vstup. st. S. G. Semenovoy; Biokhronika, komment. N. V. Kornienko. M. : Shkola-press, 1995.

Snigireva T. A., Podchinenov A. V. Syuzhet «vozvrashcheniya» v ideologicheskom prostranstve russkoy literatury sovetskoy epokhi // Vestnik TGGPU. 2011. №2 (24). [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-vozvrashcheniya-v-deologicheskom-prostranstve-russkoy-literatury-sovetskoy-epokhi> (data obrashcheniya: 28.10.2018).

Spiridonova I. A. Vozvrashchayas' k «Vozvrashcheniyu» A. P. Platonova : istoriko-literaturnyy kontekst pervoy publikatsii («Sem'ya Ivanova», 1946) // Zaochnaya interaktivnaya konferentsiya «Literatur-nye sobytiya i fenomeny KhKh veka: god 2016» 4–7 iyulya 2016 g. [Elektronnyy resurs] <http://www.piter1.info/vozvrashchayas-k-vozvrashcheniyu-a-p-platonova-istoriko-literaturnyy-kontekst-pervoy-publikatsii-semya-ivanova-1946/>. (data obrashcheniya: 29.10. 2018).

Spiridonova I. A. Khristianskie i antikhristsianskie tendentsii tvorchestva Andrey Platonova 1910–1920-kh godov // Problemy istori-cheskoy poetiki. 1994. № 3. S. 348-360.

Tereshkina D. B. «Chet'i-Minei» i russkaya slovesnost' Novogo vremeni. Velikiy Novgorod, 2015. 332 s.

Khryashcheva N. P. «Etot zapakh byl takim zhe» (situatsiya vozvrashcheniya s voyny v rasskazakh 1940 – 80-kh godov) // Filologicheskij klass. 2010. № 23. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/etot-zapah-by-l-takim-zhe-situatsiya-vozvrashcheniya-s-voyny-v-rasskazakh-1940-80-h-godov> (data obrashcheniya: 28.10.2018).